
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 198 с.

Распад мировой социалистической системы, глобализация, кризис государства всеобщего благосостояния на Западе, торжество неолиберальной модели развития заставляют политиков и исследователей искать новые пути решения проблем социального неравенства. Свой вклад в осмысление этих проблем вносит монография С.А. Кравченко «Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики». Достоинство данного исследования состоит в том, что автор сделал предметом своего анализа вполне конкретный аспект социального неравенства — в распределении и потреблении пищевых ресурсов.

Однако эта книга не только о еде, но и о тенденциях современной социологии, вызовах, с которыми она столкнулась. Ответы на эти вызовы автор видит в повороте к междисциплинарности, сочетающей самые разные подходы к анализу динамики потребления еды как усложняющейся социокультурной реальности, в частности: лингвистический К. Леви-Стросса, позволяющий анализировать динамику «языка» еды; ресурсный Дж. Урри, обосновывающий новый взгляд на настоящее и будущее еды в контексте становления сверхсложного социоэкологического мира; культурный Дж. Александера, нацеленный на изучение динамики смыслов социальной жизни; теория различения социальных вкусов П. Бурдьё; теория биополитики М. Фуко; концепция макдональдизации общества Дж. Ритцера и др. С этой точки зрения монографию отличают четкость определений, внимание к теоретико-методологическим нюансам, нестандартность социологической рефлексии.

Монография состоит из девяти глав. В первой главе — «Еда как биосоциальный и политический феномен» — анализируются такие темы, как язык еды, ее влияние на социально-классовые идентификации, социологическое понимание еды. Люди в повседневной жизни мало задумываются о том, что приготовленная ими еда — не просто биологическая субстанция, предназначенная для насыщения физиологических потребностей, но и форма социокультурной коммуникации между людьми, сообщающая им о традициях, культурных нормах, представлениях о мире разных народов. Поэтому язык еды носит символический характер, а национальные кухни есть семиотические миры разных культур.

Опираясь на выводы К. Леви-Стросса, Кравченко видит специфику языка еды в том, что он «материализуется посредством приготовления пищи» как «универсальной формы человеческой активности» (С. 9—10).

Особенности языка еды автор иллюстрирует ссылками на кулинарные традиции разных цивилизаций (племен Южной Америки, аборигенов Новой Каледонии, народов Европы).

Заслуживают внимания идеи автора о влиянии еды на социально-классовую идентичность: базовую роль в определении таковой может играть не только отношение к средствам производства, но и то, как и чем питаются люди: «На определенном историческом этапе еда перестает быть просто пищей, приобретая роль фактора дистанцирования, конкурентной борьбы за статус, средства социального утверждения» (С. 22).

Опираясь на идеи П.А. Сорокина и П. Бурдьё, Кравченко показывает принципиальное различие пищевых режимов «верхов» и «низов» общества, которое выражается, словами Бурдьё, «в оппозиции между вкусом к роскоши (или к свободе) и вкусом от нужды».

Суммируя разработки социологов прошлого, автор намечает контуры социологического понимания еды сегодня. Под едой в монографии подразумевается пища, состоящая из четырех компонентов: 1) биоприродной субстанции, отвечающей за воспроизводство физической и психической функциональности человека; 2) социального компонента, выражающего характер социальных действий по отношению к ней; 3) институционализированных культурных ценностей и норм, регулирующих человеческие отношения, складывающиеся во время принятия пищи; 4) биополитических дискурсов, осуществляющих «надзор» за «нормальностью» еды (С. 31).

Во второй главе — «От традиционализма к индустриализму: рождение биополитики» — прослеживается влияние процесса рационализации общественной жизни на динамику и характер питания. Рационализация еды началась задолго до индустриальной революции (внесение удобрений в почву, строительство ирригационных систем и пр.), но с переходом к машинной индустрии обрела качественно новую форму — подверглась индустриализации. Среди наиболее значимых технических новаций Кравченко выделяет: холодильник, консервы, полуфабрикаты, электро- и газовые плиты. Рационально-индустриальный характер носит и общественное питание — автор показывает последствия трансформации социального компонента еды, вызванной индустриализацией питания: сокращение времени на питание; увеличение времени на работу и учебу; снижение доли на приобретение еды в общей структуре семейного бюджета; изменение характера социальных действий, ценностных ориентаций, социально-ролевых ожиданий индивидов при выборе пищи.

Особое место во второй главе и в монографии в целом занимает такая категория социологического и политологического дискурса, как «биополитика». Автор предлагает различать понятия биополитики и биополитической практики: под первой он понимает научные подходы и направления биополитических исследований, под второй — «прикладные аспекты биополитических подходов и направлений, как правило, связанные с регулированием еды со стороны правящей элиты» (С. 43). В своем понимании сути биополитики Кравченко отталкивается от идей М. Фуко: французский ученый считал биополитику «современной формой реализации политической власти через государство», формой политического знания о жизни, «новой рациональностью управления», осуществляющего контроль

над нашей телесностью (С. 47, 51). Поэтому природа государства определяет природу биополитики: неолиберальной биополитике Кравченко противопоставляет гуманистическую.

В третьей главе — «Динамика еды в становящемся сложном социуме: к глобально-сетевой биополитике» — проблема питания рассматривается в контексте «стрелы времени» с ее эффектом ускорения «эволюционных ритмов». Сложным обществом автор называет глобально-сетевой мир М. Кастельса, где превалируют сетевые структуры. Их детище — глобальный агробизнес, сохраняющий старые либеральные принципы рационализма, сциентизма и меркантилизма.

В глобальном агробизнесе автор видит олицетворение глобально-сетевой биополитики, регулирующей производство еды в мире. Она усугубляет поляризацию пищевых режимов Севера и Юга с их разными типами пищевого производства, что только увеличивает неравенство в глобальном мире. Было бы упрощением думать, что эти неравенства — порождение современной глобализации. Особенность современной ситуации состоит в том, что на прежние формы неравенства накладываются новые процессы — символизации и виртуализации питания, вытеснения исторически устоявшихся кулинарных стратегий: «современная и будущая еда детерминирована не столько прошлым питанием ... сколько создается через игру структур, производящих еду-знаки, “вдруг-события” и сетевое “со-присутствие” акторов-производителей еды, зачастую живущих на разных континентах» (С. 56).

Автор апеллирует к концепции символического обмена Ж. Бодрийяра, превращающего все, в том числе еду, в символы социального статуса. Символический обмен фиксирует нарушение преемственности поколений, приводит к утверждению «гиперреальности» как симуляции чего-либо и образованию симулякров, т.е. к отрыву знаков и образов от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились: «нравится нам это или нет, но различные симулякры еды стали частью нашей действительности» (С. 76).

В фокусе четвертой главы — «Влияние новых типов рациональности на биополитику и характер еды» — находятся два основных типа современной рациональности — макдональдизация еды и играйзация питания. В макдональдизированных практиках питания воплощаются принципы эффективности (оптимизация перехода от голода к сытости), калькулируемости (количественные параметры — размер порций, их стоимость и временные затраты), предсказуемости (товары и услуги должны быть одинаковы, независимо от времени и места) и контроля (осуществляется посредством технологий). В этих принципах нетрудно увидеть приложение модели рациональности, сформулированной еще М. Вебером. Более неожиданный тип рациональности представляет собой играйзация, под которой Кравченко понимает: 1) внедрение принципов игры (эвристики) для эффективного выполнения индивидами своих социальных ролей; 2) новый тип рефлексивной рациональности; 3) фактор конструирования, поддержания и изменения социальной реальности неравновесного типа; 4) социологическую парадигму анализа порядка и хаоса в динамичных социальных системах (С. 86). Автор заключает, что у играйзации и макдональдизации «есть общее, связующее звено — развлечение, перформативность» (С. 96).

В пятой главе — «Риски еды: необходимость гуманистической парадигмы их анализа» — обозначены основные риски, связанные с едой и являющиеся результатом мутации рискогенных практик, существовавших прежде. Если в индустриальном обществе противоядием рискогенности служил рационально-прагматический подход, вбиравший в себя математический, формально-логический, экономический, статистический и психологический инструментарий, то в глобально-сетевом обществе как обществе нелинейного типа необходимость в сдерживании рискогенности требует радикальной смены парадигм. Новая парадигма должна считаться с тем, что глобализированное общество — это «общество риска» (У. Бек), общество «текучей современности» (З. Бауман), «ускользающий мир» (Э. Гидденс).

Под влиянием глобально- сетевого агробизнеса риски в производстве еды проявляются по-разному: в области национально-локального производства еды они выражаются в «кока-колонизации» и «бананизации» со стороны импортных продовольственных образцов в условиях ослабления национальных государств; в появлении точек бифуркации, где возможность выбора альтернатив часто сопряжена с отказом от национальной кухни; в размывании исторической преемственности производства национальных продуктов питания; в отсутствии «направляющего начала» или, словами Ж. Дерриды, «формального центра».

Риски глобально-национального производства еды связаны с сосуществованием производителей еды, ранее принадлежавших либо к Югу, либо к Северу; с упорядоченным хаосом глобально-национального конечного пищевого продукта; с синтезом кулинарий, относящихся к разным темпомирам.

Риски глобально-сетевого производства еды Кравченко видит в резонансном воздействии разрывов и синтезов в производстве еды на динамику самих рисков; в увеличении неопределенности этих рисков; в производстве рисков на фоне «сжатия» или «растягивания» социального времени.

В шестой главе — «Новые уязвимости — вызовы для еды» — автор развивает тему рискогенности новых форм производства еды, переформулируя ее в тему уязвимостей, сопутствующих социокультурной динамике еды в глобальном обществе.

Кравченко выделяет две такие уязвимости со ссылкой на Ч. Перроу и З. Баумана — производство «нормальных аварий» (вызванных естественным взаимодействием человека со сложными технологическими системами) и «побочный ущерб» («экзистенциальная небезопасность как симбиоз миксофилии, т.е. стремления к росту многообразия сфер деятельности, и миксофобии, т.е. страха перед этим многообразием стилей жизни). Спутником миксофобии стали «заборные сообщества» (gated communities) — «компактные частные коконы» со «строго селективным входом». В этих и других уязвимостях автор усматривает вызовы человеческому капиталу: «важно иначе взглянуть на составляющую питания в человеческом капитале, отказавшись от устаревшей количественной догмы — чем больше/меньше еды, тем лучше. Главное — это качество и эффективность питания» (С. 135).

В седьмой главе — «Продовольственный фактор в национальной безопасности России» — внимание автора сосредоточено на опасностях, подстерегающих

систему национальной, в том числе продовольственной, безопасности России. Такими опасностями для него являются: невиданные ранее нелинейные опасности; порожденные переходом к открытому обществу; вызванные дисбалансом между управлением и самоорганизацией социума.

Появлению новых опасностей способствуют среди прочего утрата государством монополии на производство и распределение еды, а также превращение старых линейных и локальных опасностей в нелинейные и «глоболокальные».

Анализ данной проблемы подводит Кравченко к принципиально важному выводу: «безопасность в продовольствии и особенно чистой питьевой воде какого бы то ни было социума не может быть гарантирована без общей безопасности всех социумов. Поэтому Россия должна интересоваться не только продовольственной безопасностью россиян..., но и продовольственной безопасностью всех жителей планеты. Поэтому ...появилась принципиально новая проблема безопасности — международная продовольственная безопасность, нацеленная на гуманизацию и сохранение планетарного человеческого капитала» (С. 145).

Автор считает двуединой задачей обеспечения продовольственной безопасности России сохранение экологически чистой среды обитания и необходимость быть на уровне мировой научной и технологической мысли для обеспечения россиян вкусной, разнообразной и здоровой пищей.

В восьмой главе — «Кризис неолиберальной биополитики — востребованность гуманистической биополитики» — констатируется кризис прежних биополитических стратегий и постулируется необходимость новых биополитических решений. В монографии критика неолиберального содержания биополитики носит взвешенный характер и не переходит в идеологически мотивированный нигилизм. Автор признает достижения либерализма в сфере производства еды, выражающиеся прежде всего в создании производительных сил, способных в принципе обеспечить едой все население планеты, но усматривает главный недостаток современной биополитики в том, что она не способна решить проблемы голода и социального неравенства. При этом «новейшим проявлением» кризиса биополитики он называет «латентные отложенные опасности, проявляющиеся и в отношении к природе, и к человеческому капиталу» (С. 155). В качестве альтернативной парадигмы Кравченко предлагает модель нелинейно-гуманистического мышления: «Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рискогенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности» (С. 169).

Девятая, последняя глава монографии — «Востребованность гуманистической биополитики» — развивает идеи предыдущей главы и содержит «десять тезисов о принципах движения к гуманистической биополитике». Перечислим их (С. 182—185).

1. Необходим переход от неолиберальной биополитики к гуманистической, нацеленной на гуманизацию отношений социума и природы.

2. Гуманистическая биополитика должна опираться на интегральный инструментарий социальных, естественных и гуманитарных наук.

3. Гуманистическая биополитика должна включать как традиционные формы питания, так и достижения новейших технологий гуманистической направленности.

4. Новая биополитика должна сменить административный диктат, какую еду производить и потреблять, этическим регулятором в формате движения к глобальному гражданскому обществу, чья функциональность достигается путем нахождения оптимального соотношения между интересами глобальных акторов управления и локальных акторов самоуправления.

5. Внедрению инновационных изменений в производстве еды должен предшествовать тест на адаптивность к уже существующим сложным системам.

6. Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что социум и природа становятся единым целым, образуя сверхсложную социоэкологическую систему, предрасположенную к «нормальной аварии».

7. Следует критически переосмыслить природу известных типов рациональности, включая макдональдизацию и играизацию, вызывающих иррациональные для человека последствия в виде производства генетически модифицированных продуктов, доминирования быстрого и перформативного питания.

8. Необходимо принимать во внимание усложнения природы современных рисков и уязвимостей, в том числе еды, порождаемых обществом риска.

9. Важна поддержка новых социальных движений, неподконтрольных глобально-сетевому агробизнесу и выступающих за «пищевую демократию», за контроль гражданами качества поставляемых на рынок продуктов питания.

10. Гуманистическая биополитика должна исходить из принципа неделимости продовольственной безопасности для всех народов мира.

Таким образом, можно надеяться, что монография Кравченко найдет своего благодарного читателя, интересующегося актуальными проблемами мирового развития.

Голенкова З.Т., Жвиташвили А.Ш.